

Движение — это жизнь. И чем быстрее двигался Сеня, тем дольше жил. Он бежал от огромной собаки фермера. В одной руке у него был черный пакет, в другой лопата.

Ведерников Арсений был чемпионом школы по бегу, а сейчас даже Усэйн Болт дал бы ему пять.

— Бросай пакет, дебил! — кричал ему с забора его брат Володя.

Сеня метнул пакет со свежевыкопанной картошкой прямо в брата, отчего тот скovyрнулся на землю. Через минуту над ним пролетела лопата. Арсений не перепрыгнул забор, он перелетел через него под лай собаки и мат фермера.

— Че лежишь?! Беги!!!

И Володька побежал, он бежал медленнее. Сеня — это смуглая молния в рваных спортивных, жилистый, хитрый, борзый. Володька — это растяпа, в поношенной спецовке, в панамке набекрень, с кучей всякого барахла в карманах. Когда младший Ведерников бежал, он звенел монетками, шуршал какой-то бумагой, наушники сплетались с леской в глубине внутреннего кармана, складной нож бился об ногу, об другую бился мобильник. Дышал парень тяжело, но продолжал бежать, несмотря на боль в боках, плотный ужин и комок портянок в сапогах.

— Ныряй в денисовский сад! — успел крикнуть Сеня перед тем, как «втопить».

Выйдя на ровную дорогу, старший Ведерников побежал со всех ног и растаял в ночной темноте.

Володя же сделал последний рывок, закинул свое тело через еще один забор и плюхнулся меж грядок.

— Твою мать!

Володя поднялся, перед ним сидела большеглазая девица в тельняшке, юбке и с сигаретой в углу рта. Девочка явно не ожидала гостей, она замерла с зажигалкой в дрожащей руке, это она только что помянула чью-то мать.

— Здравсте... — сказал гость и поднес к губам палец.

— Здравсте, — пролепетала малолетняя курильщица.

— Я... это самое... тут посижу минут пять, десять...

На две минуты зависло молчание. Девочка посмотрела на руки Володи.

— Что в пакете?

Володя понял, что все это время сжимал в кулаке горловину пакета с картошкой.

— Это самое... картошки хочешь?

Девица покатилаь, в судорогах трясась от смеха.

— Ты че, ты че?! Тише, тише...

— Что за шум в саду? Настя, это ты там, что ли? Ты что сидишь в темноте?

На крыльце старого дома зажегся свет и приоткрылась дверь. Володя нырнул за бочку с водой в тень черемухи.

— Да, дома душно, подышу и обратно.

— Доча, ты там не куришь, часом?

— Не-не-не. Я сейчас подойду.

— Смотри у меня, не засиживайся.

Дверь закрылась.

— Это самое... спасибо... меня Володькой зовут.

* * *

Дома у Ведерниковых было шумно. Дядя Дима лютовал, заспанная тетя Вера неодобрительно смотрела на старшего.

— И ты, бестолковник, брата своего бросил? Где ты его бросил? Отвечай, дубина! Картошку они копали, крик. Тебя, дэбила, дома не кормят? Что ты у китайца забыл? Дуй на улицу и соскреби младшого, где он там заныкался, прости господи. На кого ж ты мне племяшей умом убогих дал...

На улице было темно. Сеня хотел подождать Володю возле ворот, но встретил своего дядю Диму. «Чего именно сегодня он решил рыбачить? Нехорошо вышло».

На часах почти три ночи, вставать через четыре. Полчаса Арсений вглядывался куда-то вглубь улицы. Никого. Эсэмэски и грозные месседжи в инстаграм оставались безответными. Ничего плохого в родной деревне случиться не могло, но становилось тревожно.

Вот показался силуэт братишки, он бежал и сверкал улыбкой, с пакетом и лопатой.

— Где пропал?

— Да так, были дела. — Володька был счастливый, деловитый и таинственный.

Сеня прищурился, осмотрел его с ног до головы.

— Смотри-ка, и лопату не забыл.

— Да я попозже ее забрал, она в крапиве валялась, никто не нашел. Все норм.

— Да ничего не норм, спалился я дяде Диме, по-тупому-то спалился.

— Сдался?

— Сдался, чего уж там. Да и фермер китайский нас видел, узнает днем, если совсем не слепой. Вообще, ты че такой довольный?

— Не «че», а «что». Ты Ницше читал?

— Упал, что ли? Где у меня время Ницше читать, пошли спать, завтра ранний подъем.

Братья пошли в тепляк, где стояла старая кровать и самодельные нары. Сеня спал всегда на нарах, укрывшись овчиной.

Володя лег на кровать и проверил телефон.

— Ничего ты тут настроил. Спокойной ночи.

Весь мир затих, даже коровы в стайке, кажется, дышали тише.

Арсений ворочался и не мог уснуть.

— Не, ну ты скажи, че за дела-то? Че так долго тебя не было?

Володя с кем-то активно переписывался.

— С интересными людьми знакомился, об искусстве, о философии болтали.

В голове старшего брата пронеслась картотека жителей Нижней Шулуты младше 2000 года. Вот хоть убей, не с кем Володе болтать об искусстве, тем более о философии. Ну не с преподам же он ночью шляется. Да и не интересовался младшой подобным.

— Где ж ты интересных людей нашел, не в денисовском саду же?

— Там.

Сеня сел на нары и недоверчиво взглянул на довольное лицо, освещаемое дисплеем мобильника.

— Короче, — Володе самому хотелось поделиться потрясающей новостью.

— Чего короче, не тяни кота за все подробности, с кем гулял?

— К Денисову приехала сестра с дочкой, ему племянница выходит. Настей зовут. Ну и батя ее тоже тут. Завтра я обещал с ней на речку сходить.

— Не, ну как по шее от дядьки получим — конечно иди. Чего уж там.

Володя тяжело вздохнул.

— Не отпустит меня дядька, сегодня косяк вышел.

— Падай спать, завтра решу проблемы.

* * *

Утро выдалось хмурым: тучи укрыли небо, солнца не видно. Арсений грустил, в наушниках бормотал «Кровосток», тело было будто чужое, тело убирало навоз.

Утром он сам пришел к китайскому фермеру Ми Шан Лину (Мише). Честно сознавшись во вчерашнем преступлении, Сеня отдал пакет с картошкой и в знак примирения предложил прибраться за скотом. Китаец дал добро и совковую лопату.

Миша владел огромной теплицей, в которой выращивал помидоры, баклажаны. У него было около десяти коров, и Сеня не думал, что уборка займет много времени. Но, видимо, теплица отнимала слишком много сил у Миши, так как фронт работ у внезапного батрака оказался больше намеченного.

Сеня справился лишь к обеду, фермер задумчиво пил чай на веранде, когда он пришел отчитаться о трудовых подвигах.

— Пацан, ты учишься в Улан-Удэ? На лето здесь?

— Ага, я закончил с навозом...

— Иди ко мне работать. Пятьсот рублей в день дам, если хорошо поработаешь.

Сеня почесал затылок. С одной стороны, хотелось купаться, загорать, бегать по горам, с другой стороны — осенью одиннадцатый класс, дядя с тетей опять купят на Народном рынке всякое дешевое барахло, а стильные кроссовки за пять тысяч рублей — это всего-то десять дней работы. Если фермер не соврет, то можно к концу лета придется самому, может, даже младшему чего-то достанется.

— Папа, мама где работают? Что делают?

Сеня вернулся в реальность. Что их с братом родило, так это умение проваливаться в грезы, выпадать из мира.

— Я поработаю на вас до двадцатых чисел августа.

Миша улыбнулся и подал свою хилую, но мозолистую руку.

— Тогда бери штыковую лопату и поменяй столбы, забор падает. И ты не сказал, кем папа с мамой работают.

— Померли они давно, когда еще совсем мелким был.

* * *

Дядя Дима прошлой ночью услышал версию Арсения, в которой Володю старший брат заставил участвовать в ограблении фермерского подворья. За слабохарактерность и откровенную тупизну идеи Володю заставили полоть картофель, благо день был прохладный. Старший Ведерников куда-то пропал с самого утра, а собственный участок с проклятым корнеплодом был не меньше китайского. К обеду младший смозолил себе ладонь, но не смог одолеть и половины.

Голод и тоска погнали его в сарай, где тетя Вера что-то варила, помяная недобрым словом в три буквы старшего брата.

— И куда этот кадр делся?

Дядя Дима курил на улице и точил длинный нож.

— Утром, когда я телят выгонял, вроде к китайцу шел с пакетом. Наверное, извиняется.

— Время уже, второй час дня. Сколько можно извиняться?

— Как говно коровье у него во дворе вычистит, так и придет. Я вон сколько хожу-гляжу, китайца с лопатой не видел, а коров у него с десяток да будет. Ты, Володька, до середины поля добрался?

— Нет, дядь. До большого камня только дополол.

— Эт тебе не по ночам позориться бегать. Еще раз такое вытворите — бурятам в батраки отдам. Будете все лето баран стричь да навоз убирать, еще и сенокосу у них до первого снега. Пакость малолетняя,

как будто не кормим. Не, ну ты прикинь, Вер, что творят!

Тетя Вера вздохнула.

— Сестра б с вас шукуру бы спустила... Садитесь, ешьте все без остатка, порось и без вас жиреет.

Лязгнули громко железные двери ворот.

— О, Вер, старшему накладывай.

Сеня забежал в сарай и начал шарить в кухонном шкафу.

— Что ищешь, Сень? Совесть, что ли? Так ее тут нет.

— Теть Вер, есть термос? Я к Мише на работу устроился.

Дядя Дима от удивления отложил ложку.

— Смотри-ка че, в батраки, гришь, взял? Ты, Сеня, там ходи да запоминай, что и как китаец делает. В прошлом-то году у него уж помидоров было богато. Глядишь, научишься чему. Вер, сгоняй в дом, Максимка привозил контейнеры для еды, термос там же.

Старые кроссовки Арсения захотели каши, подошва на одном из них начала отклеиваться. Дмитрий Сергеевич посмотрел на сие безобразие.

— Вер, ты шило мое куда переключала?

— В шефлоте лежит. А что?

— Да оказия тут с обутками. Сеня, съмай свои прелки.

Дмитрий ловко пробивал подошву и кожзам, в эти дыры змеей заползали нейлоновые нити с иглой, надежно запечатывая место расклейки.

— Помнится, по молодости и Вере так чинил сапожки, и Настеньке, маме вашей. Весь ты в нее, Сень, та тоже что-нибудь да сморозит, хоть стой, хоть падай. Мой-то сынка-Максимка тоже в мать, только спокойнее будет... Хоть бы за год приехал сюда разок. А-а-а... кого там... Вер, ну ты нашла контейнера-то?

— Да нашла я, нашла, изнылся тут.

— Че изнылся? Говорю, Сеня весь в мать, а вы ж близняшки. Мне давеча почтальон наш говорил, что мои сынки на речке браконьерничают. Значится, многие думают, что родные. Но ведь и правда не чужие. Готово, так дотерпят чутка, осенью вам куплю новые, или на неделе городской один типок хотел картошкой закупиться. Тут как повезет.

Дядя Дима почесал затылок.

— Сеня, садись, поешь шустренько, главное, че скажу, спину береги, китайца слушай внимательно, смотри, как делает он, от начала до конца, без самодеятельности, ты вечно впереди телеги бежишь.

Сеня ел как поросенок, жадно, лихо, громко звеня ложкой о тарелку, вгрызался в хлеб, забывая прожевывать, чай залетел ему в глотку так, будто это водка, а сам он — слесарь первого января.

В пять минут он прикончил щи, хлеб и кружку чая, весь нехитрый обед. Тетушка упаковала ему в рюкзак ужин.

— Дядь Дим, тетя Вер, отпустите Володьку вечером на речку, я там пелеметов накидал, вдруг да рыбки поедим?

— Да пусть идет, как телят закроет, так и свободен. Коров уж мы сами загоним.

— Володька, загляни в инстаграм потом, я тебе приколюх накидал, поугораешь...

Сеня исчез в то же мгновение, только раздался звон в ограде от железа дверей.

В инстаграме Володе были накиданы фотографии с берегом, где были брошены длинные лески со множеством крючков, фото банки с червями в огороде и краткая инструкция.

«Загони телят пораньше, в рюкзаке будет твоя одежда, возьми рюкзак с собой, собери рыбу, закинь заново, переоденешься в кустах, потом вызванивай Настю, домой не заходи, не отпустят».

Следующее сообщение:

«Твой одеколон — дерьмо, не смей им пользоваться».

Володя расплылся в улыбке, мозоли не болели уже так сильно, а тяпка казалась легкой.

* * *

Сеня пропадал у Миши чуть ли не неделями, начался сенокос, он косил вместе с Мишей сено для коров, Володя под предлогом изучения французского гулял с Настей чуть ли не каждый вечер. Из французского он научился лишь поцелуям, но волей-неволей изучал философию и современное искусство, Настя дико фанатела от последнего.

— Лодя, ты не понимаешь, искусство нужно изучать в контексте!

— Ей-богу, не могу я понять Уорхола, вот у Брейгеля все ясно, ну ладно, почти все. Вот охотники с дохлой лисой, вот снег, вон люди, вон ловушка для птиц, типа зима будет голодной, ясная и понятная драма. А эти консервы, Мэрилин Монро, ну тяжело мне понять, что он там сказать хотел.

Настасья Аркадьевна тяжело вздохнула, начала шарить по карманам. Вот же горе, еще и сигареты закончились. Покупать их в сельском магазине не хотелось.

Она ясно представила, как будет что-то смущенно мямлить, как старенькая тетя-продавец будет презрительно и вопросительно на нее смотреть: «Серьезно? Ты? А между прочим, твоя мама только в двадцать лет сигареты попробовала». Кстати, именно с этой тетей она наверняка и попробовала.

Володька похлопал по карманам и достал синий «Бонд».

— Да ты ж мой спаситель!

— Ага, я такой.

Они затянулись полной грудью, и Володя начал громко кашлять и задыхаться, весь синий едва не упал в реку.

— Ты что, не курил раньше?

Отмазываться было как минимум глупо.

— Не, вот как-то не сложилось...

— Да на хрена ж ты тогда затянулся, Лодь?

Чтобы... а он и сам не знал, наверное, чтобы их связывало как можно больше всякого. По вечерам уже было прохладно, скоро журавли-красавки потянутся в тепло, на юг. Скоро в школу им обоим, только она учится в Иркутске, а братья в Улан-Удэ, там еще и тетя Света — сестра их отца. Строгая женщина, с ней не забалуешь.

— Не хочу, чтобы это лето кончалось, хочу с тобой тут сидеть на камне, под луной.

— Смотри, геморрой заработаешь, Ромео.

Так бестактно убивать романтические моменты мог лишь старший брат, он как раз шел с покоса, грязный, усталый, весь пропахший соляжкой.

— Ты че, Лоденька, куришь? А не боишься, что я тебе легкие вырву? Пойдемте домой, сегодня крайний день, завтра ехать с утра.

Арсений не произносил слова, он вбивал их как штыри.

— Иди вперед, хочу тут еще побыть.

Подростая за лето фигура исчезла в темноте, а два влюбленных подростка еще долго сидели на берегу Хилка.

Сеня шел, щелкая семечки, он завидовал брату, по-хорошему. Лето пронеслось, а он не успел поиграть в футбол хорошенько, единственную симпатичную девушку в деревне охмурил братишка, купался тоже через раз. Единственное, что его радовало, так это конвертик, который ему дал китаец.

Ми Шан Лин оказался интересным мужичком, обожает свои помидоры, как ребенок, любит свою самую дорогую игрушку — трактор, а вот с коровами у него не клеится. Возможно, скотоводство — не его.

Где-то в темноте мерцали огни сельской дискотеки, горят окна домов, на небе своя дискотека, мерцают звезды, чем ближе к осени, тем они ярче. Это последний год учебы в школе, что будет дальше? Может, братишка и увалень, но мозги работают у него лучше. Возможно, он пойдет поступать на юридический, там нужно сдавать историю и обществознание, уж как-нибудь сдаст, с русским языком, правда, беда. Но этот год можно посвятить учебе, девушки нет (ух, как же обидно), но ничего,

все будет хорошо, будет и про него вечеринка, а ди-скоотека в деревне — что ж, будут другие, погорячей, похлеще.

У ворот стоял дядя Дима с уловом, болтал с мужиками, мужики-рыбаки ушли дальше, а дядя разглядел в темноте племянника.

— Сеня, это ты?

— Я! Дядь, ты чего не спишь?

— Да вот, на пелеметы поймал всякую мелочовку, думал, тете Свете завтра увезете, поджарите. Хоть и обмелел Хилок-батя, а рыбка еще есть.

— Да в магазине взять можем, чего уж там.

— Да на кой? Деньги тратить. Ты уже думал, куда поступать будешь?

— Не знаю, наверное, на юрфак, в Улан-Удэ.

Дядя Дима поправил кепку, шмыгнул носом, стеснялся своей слезливости.

— Ты эт самое, не парься, мы с тетей Верой кредит возьмем, картошку всю к херам продадим, землю с картошкой в Верхних Шулутах тоже китайцу продам, но вас двоих выучу, в люди выведу. Кого я тут буду в земле копать? А вам надо учиться, ей-богу, сейчас же интернет, роботы, вся эта херь, чего будете тут живьем гнить? Я вон всю жизнь горбатился и чего нажил? Нет, так дела, видимо, ныне не делаются. А с Володькой говорил, куда тот хочет?

— Володька у нас конкретный. Сказал, что на истфак поступает, будет заниматься историей искусства. Как с этой Настей начал встречаться, так от «Википедии» его не отодрать, сначала думал — чисто чтобы девочке понравиться, а нет, втянулся. Башка шарит...

Арсений замолчал, он чувствовал, что не может посмотреть дяде в глаза.

Никогда раньше Сеня не видел участок дяди со стороны — домик с тремя комнатами, сарай, тепляк, баня, гараж, огород, рядом с сараем загон для телят и теплый стайник на зиму для трех коров, где-то вдали загон для поросенка и огромное поле картофеля. Осенью он отдавал мешок «бичурского золота» трактористу, чтобы он вспахал участки. Где-то за холмами еще один участок, еще больше, там тоже растет корнеплод. Ни ирригации, ни своего трактора — машину дядька продал, когда нужно было отправить сына в Москву.

У кого дядя займет деньги, чтобы собрать их в школу? Никогда вот не задавался он таким вопросом, под какой процент?

— Тятя, дядя Миша тут мне накинул побольше денег. В этом году, наверное, сами сможем закупиться, ну хотя бы одежды.

— Да что ты будешь свое тратить?

— Да все норм, дядь. Натурально, все норм.

Железные двери лязгнули, зажегся свет в сарае, погромели две ложки о миски, кто-то чихнул, полаяла соседская собака.

— Младшой когда придет?

— До утра придет — и ладно.

— Оторвет вам головы Денисов, и прав будет.

— Спокойной ночи, дядь Дим.

Лампочка в сарае погасла, а в глубине тепляка минут через пятнадцать неистово храпел Арсений.

* * *

В автобусе до Улан-Удэ половина мест была занята школьниками, Володя приткнул голову к окну и молчал. В наушниках то ли Хаски, то ли Скрип, что-то заунывное, как и его настроение.

Сеня толкнул братца локтем.

— Было че?

— А?

— Было че?

— А-а-а... Не-е-е... Но будет, через два года, она обещала.

Арсений расхохотался и получил локтем под ребра.

Все в автобусе с интересом обернулись на шум со стороны заднего сидения.

— Кого ты ржешь, как конь аларский? Что тут вообще смешного?

— Извини, ей-богу, ничего смешного, все будет так. Жди — и воздастся.

Володя с недоверием посмотрел на брата и опять отвернулся к окну. Так и ехали два часа.

Автовокзал Улан-Удэ — это заповедник девяти-десяти летних годов, какие-то бомжи, алкаши, что просят на бутылку, пузатые маршрутки, бабушки и плачущие дети. В этой пестрой толкучке Сеня прорывался в сторону Народного рынка.

— Ты куда, Арсений Данилович, ломанулся? Нам же на остановку.

— Дело есть, закрой рот и не трать тепло.

— Куда идем-то хоть?

— На Народный...

Володя удивился, он ненавидел этот рынок всей душой: запах, хитрых торгашей, картонки под ногами.

— Ты же говорил, что купим «адики»...

— Когда я это говорил?

— В июле ты говорил, говорил еще, что мне, может, что достанется.

— Не было такого.

— Да как не было, если было?!

— Захлопнись. Или так, или никак.

Сказать, что Владимир Данилович был разочарован, — ничего не сказать. Он тихо лелеял надежду на то, что в их семье будет пара белых фирменных кроссовок, которые можно будет тайком периодически носить. Но, кажется, брат был настроен более чем серьезно.

Таджики с недоверием оценивали внешний вид смуглых пацанов с голубыми глазами, волосами цвета бородинского хлеба, в дешевых спортивных. Такие могут резко выхватить что-нибудь — и поминай как звали, на полицию можно не рассчитывать, таких сопляков сотни, если не тысячи.

— Покупать будешь или смотреть?

— А что, есть на что посмотреть?

Густобровый парень лет двадцати пяти не оценил борзый ответ Сени, незаметно подозвал друга.

— Короче, рубашка нужна белая вот на этого. Размер примерно сорок пятый или сорок шестой. Еще брюки.

— А галстук?

— Обойдемся. Вроде есть. Пиджак лучше, наверное, отъехал за лето, можешь в старый не залезть. Или в мой залезешь? Думай быстрее, денег мало, время жмет. Тетка скоро начнет названивать.

Володя все понял: брат зажал деньги, точнее, начал экономить, мечты о кроссовках можно смело забыть, и без того плохое настроение совсем испортилось.

— Делай как знаешь. Ничего не хочу.

— Тогда брюки, рубашку и обувь мне. Размер примерно сорок восьмой, обутки на тридцать девятый, рубашку черную.

Таджики, не сводя с них глаз, поднесли все.

— Цена?

— Рубашка — тысяча рублей, брюки — полторы тысячи, ботинки — три.

— Есть четыре семьсот. Отдам их за все.

Сеня эффектно достал деньги. Густобровый парень посмотрел на них: по внешнему виду можно было сказать, что это последние деньги ребят. Жалость к убогим, должно быть, ниспосылается Богом.

— Давай сюда свои четыре семьсот и забирай.

— Сейчас примерю...

Все подошло. Сеня не замечал ни торчащих ниток, ни обилия синтетики. Володя с тоской посмотрел, как продавец пересчитывает деньги.

— Переплачиваешь.

— Найди дешевле.

— Да дешевле хрен найдешь, пошли домой.

— Сейчас, по дороге заедем к одной даме.

— К какой даме?

— У нее кафешка на Геологической. Ей дядя Миша меня порекомендовал, буду после обеда у нее официально работать.

— А школа?

— Все успею. Верь мне, я красавчик.

В кармане его все еще был конверт, забытый новыми купюрами.

* * *

Как мой брат ни старался, ЕГЭ был провален, но Сеня не унывал. В последний раз, когда я видел его живым, он улыбался от уха до уха, исчезая в окне поезда. Официантка, с которой он ходил в кино, рыдала, дядя Дима закидывал в окно бутылки с самогоном, тетя Вера утирала слезы платком и ругала мужа.

Я не верил слезам официанток, Настя в свое время тоже много плакала и много чего обещала, а Сеня говорил, что это настоящее, что все серьезно. Он крикнул что есть мочи:

— Володя, вскрой матрац, там твое МГИМО!!!

Никто ничего не понял тогда, а я и вовсе забыл.

Поезд тронулся, а братка махал рукой и пил самогон с горла бутылки.

Зимой после новогодних каникул пришли дурные вести. Я вошел в дом в тот день, пришел со школы, с порога понял, что дела брата плохи.

За столом сидел дядя Дима и курил, курить в доме было нельзя, но никто не обращал на это внимания, в гостиную громко рыдали тетушки.

— Что случилось, дядь?

— Сына, ты лучше сядь.

Я сел.

— Стрельнули брата твоего.

— Это как, дядя Дима? Он же срочник, дядя Дима, вы че... он же в Кяхте служит...

— Володька, говорят, что сам себя. Но мы-то знаем, что Сеня не такой. Да и дыра в башке не с той стороны.

Рука с сигаретой задрожала, ком подступил к горлу дяди Димы.

— Дядь, он где сейчас?

— Утром в село увезли, почтальон подмог, на своем уазике увез. Ты собирайся, поедем. Только когда там будешь, гроб не открывай, он ведь у нас такой красивый был...

Дядя Дима уткнулся лицом в стиб руки и уронил сигарету. Это все, что я помню в тот день. Не помню, как доехали с односельчанами в Нижние Шулуты, не помню никого, кто был вокруг.

Ранним утром следующего дня мужики с попом пошли копать яму, взяли лопаты, ломы, паяльники,

канистры. Тетя Вера не говорила ни слова. Она все время плакала, мыла посуду, готовила что-то, все в полной тишине. Сеня был в гараже, там было на-топлено, гроб был закрытый, но еще не заколоченный. Я пошел туда.

По дороге меня догнал Ми Шан Лин. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашел слов и снял шапку, обнял меня и утер узкие глаза шапкой.

- Не ходи туда, Володька, нечего нам там делать.
- Да мне бы с братом проститься.
- На вокзале простился.

Миша перегородил мне дорогу.

— Володька, у него голова замотана, мы когда ее заматывали, у него волосы к доскам прилипли, я теплой водой чутка полил, чтоб аккуратнее отодрать можно было... Володька, нет больше брата твоего, пошли в дом. Володька, холодно тут.

Мы пошли пить чай, потом толпа односельчан собралась у наших ворот, что-то бормотал поп, узик повез деревянный ящик в сторону погоста, я с дядей

ехал в машине полицейского. Старики, женщины и лишние зеваки остались у ворот.

Поп помолился еще раз, перекрестившись двумя перстами, он махнул рукой, красный ящик опустили в яму и начали закидывать землей. Когда мой взгляд уткнулся в камень с фотографией Сени, мне стало нехорошо, январский холод будто пропнул копытом в живот.

— Держите младшего!

Не знаю, кто крикнул. Я сел напротив надгробия, там кто-то прилепил фото моего брата.

Миша поднял меня и повел к своей машине, поехали домой.

Дома было людно.

Мы с дядей Димой сидели на кровати и молчали. Люди в нашем доме о чем-то тихо шептались, проклинали прогнившую армию, в которой без войны гибнут ребята, нам было все равно. Дядя нагнулся и сказал мне на ухо:

— Дома у Сени в матрасе лежало тысяч двести, это все он тебе...